

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

УДК 821.161.1.09-14

Ю. В. Лебедев

*Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова
y-v-lebedev@ya.ru*

О НАЦИОНАЛЬНОМ СВОЕОБРАЗИИ РУССКОЙ ЛИРИКИ

В статье раскрываются духовные основы восприятия русскими писателями природного мира и человека в нём.

Ключевые слова: русская лирика, духовная любовь к миру, преображение одухотворённой природы, соляризация природы и человека.

Yu. V. Lebedev

*Nekrasov Kostroma State University
y-v-lebedev@ya.ru*

ON RUSSIAN LYRICISM NATIONAL DISTINCTNESS

Spiritual bases of perception of natural world and person's place in it by Russian writers are disclosed in the article.

Keywords: Russian lyric poetry, spiritual love of world, personified nature's transformation, nature and person solarisation.

Размышляя о национальном своеобразии русской пейзажной лирики, Наум Яковлевич Берковский писал: «В нашей лирике держалась здоровая эпическая связь с природой. Русские поэты не столько отыскивали для отдельно переживаемой ими эмоции какое-то подобие в мире природы, сколько там, в образах национальной природы и национального быта, впервые находили свою эмоцию, узнавали её там... Фет, которого у нас обвиняли в изощренности, сравнительно с поэтами Запада прост и целен. Огни, передвигаемые по комнатам, овраг, который замерзает, который расшевелила весна, воробей, который трепещет крылом, купаясь в собственной песне, – вот лирический мир Фета... Иной раз трудно сказать, кто “субъект” фетовской лирики, сам ли поэт, или та береза, та зимняя дорога, те ели в лесу, те сани и овраги...» (2, 171–172).

Когда читаешь стихи Пушкина, кажется, что это не поэт, а сами предметы, им изображённые, о себе говорят. Пушкин сравнивает поэта с эхом, откликающимся на всё в окружающем мире:

Ревёт ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поёт ли дева за холмом –
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг (7, т. 3, 227).

Отсюда рождается естественность, нерукотворность, органическая природность поэзии Пушкина. Он весь самоотдача, он радостно находит себя в другом:

В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря шум глухой,
Иль шёпот речки тихоструйной (7, т. 2, 192).

Вот это самозабвенное отношение к миру, это желание видеть всё вокруг живым и родственно близким порождает особую привязанность и любовь русского человека к малой родине, к родному дому.

Лирика по своей родовой сущности тяготеет к субъективности, к замкнутости внутреннего мира поэта в пределах своей личности, к индивидуализму. Условно говоря, пафосом её

является любовь поэта к самому себе. Но русская форма лирики держится на *духовной любви* к миру. Такая любовь позволяет лирическому поэту преодолеть субъективную замкнутость и бескорыстно отдать себя другому, почувствовать другого как самого себя.

В «Письме к Т. И. Филиппову» (1856) А. С. Хомяков утверждал: «Любовь, как требование притязательное и самолюбивое, любовь, ставящая цель в лице любящем, есть ещё не отрешившийся эгоизм»: другой человек признаётся в ней ещё «как средство наслаждения, а не как цель». «Истинная любовь имеет иное, высшее назначение. Предмет любимый уже не есть средство: он делается целью, и любящий уравнивает его с собою, если не ставит выше себя» (11, 283–284).

Наши прозаики и поэты ценили в человеке его способность чутко вслушиваться и зорко всматриваться в природу не для того, чтобы выразить себя, а для того, чтобы понять её язык. Поэт пушкинского круга Е.А. Баратынский в стихах «На смерть Гёте» так определял эту замечательную способность, присущую одухотворённому человеку:

С природой одною он жизнью дышал:
 Ручья разумел лепетанье,
 И говор древесных листов понимал,
 И чувствовал трав прозябанье;
 Была ему звёздная книга ясна,
 И с ним говорила морская волна (1, 157).

Француз Мельхиор де Вогюэ замечал, что в «Бежине луге» Тургенев «заставил говорить землю, прежде чем заговорили дети, и оказалось, что земля и дети говорят одно и то же» (4, 49). Тургеневская природа подсказывает ребятишкам у костра сюжеты легенд, диктует их смену, предлагает детям одну загадку за другой и сама же подсказывает их разрешение. Рассказ о Русалке, например, предваряется шуршанием камышей и загадочными всплесками на реке, а также полётом падающей звезды – души человеческой, по крестьянским повериям. Образ Русалки удивительно чист и как бы соткан из самых разных природных стихий. Она светленькая и беленькая, как облачко, серебряная, как свет месяца или блеск рыбки в воде. И «голосок у ней такой тоненький и жалобный», как голос того загадочного зверька, который «слабо и жалобно пискнул среди камней». На смех и плач поэтичной крестьянской русалки незамедлительно откликается в рассказе ночная природа: «Все смолкли. Вдруг, где-то в отдалении, раздался протяжный, звенящий, почти стелющийся звук. Казалось, кто-то долго, долго прокричал под самым небосклоном, кто-то другой как будто отозвался ему в лесу тонким, острым хохотом, и слабый, шипящий свист промчался по реке» (8, 102).

Деревья, цветы, травы, животные у русского «собрата» Тургенева Михаила Михайловича Пришвина – сёстры и братья человека, поскольку все они – дети Солнца. Солнцу уподобляются деревья, травы, цветы. Питаясь светом солнца, они становятся на него похожи. Вот «один маленький цветочек раскрыл пять голубых лепестков: эти лепестки у него были небом, а посередине все эти лепестки были связаны маленьким золотым солнцем... Солнце великое не могло увидеть такой красоты: человек увидел её, удивился и назвал цветок с пятью голубыми лепестками и жёлтеньким солнышком внутри незабудкой» (6, т. 6, 194).

«Все скажут, что узнавать свою человеческую жизнь по жизни растений есть символизм, но я не хочу и не хочу называть это символизмом, и вот почему, – заметит Пришвин в своём дневнике. – Символизм – это прием в искусстве, подчиненный человеческому разуму. У меня же всё происходит не от разума и не для каких-нибудь целей в искусстве. У меня в душе и теле есть действительно общая жизнь со всякими живыми существами, и с растениями, и с животными» (6, т. 8, 454).

Природа бессловесна. Но человек, ею рождённый, «обернувшись назад в природу, может понять каждую тварь в её напряженном движении к слову» (6, т. 7, 441). Вот слышит Приш-

вин весёлый, радостный звон весенней капли и пытается понять причины этой радости: «Под пение первой воды я думал о первом человеке на земле, произнесшем свое первое слово: может быть, он тоже так, ослепленный солнечным светом, как я, закрыл глаза и услышал эти звуки, исходящие от солнца, и ему тоже, как мне теперь, захотелось запеть самому или сказать свое необыкновенное, небывалое слово. И он это сделал, и он это сказал, и с этого все началось: от солнечного луча на земле родилось первое слово» (6, т. 4, 289–290).

Заметим, что Пришвин видит и другое. В природе, наряду с добрыми силами, живут и действуют силы недобрые, злые. В ней идёт борьба за существование между растениями, деревьями, насекомыми, животными, птицами. Природа стонет и страдает от этого раздора. В этих столах и жалобах чуткий человек слышит мольбу о помощи. Чего ждёт от нас страдающая природа?

Пришвин так ответил на эти вопросы в небольшой заметке «Искусство»: «Лягушку все знают, как она квакает в тёплой воде, когда ей хорошо, но мало кто слышал, как она пищит, когда попадает в зубы собаке. Я первый раз в жизни своей услышал этот звук, быстро оглянулся, освободил несчастную лягушку. Она скакнула в ручей, и быстро вешняя вода унесла её.

Лягушка исчезла, но панический звук остался во мне. И всё в природе, наверное, также умирает и оставляет в душе человека что-то своё. Это всё от природы, скопаясь в душе человека, ищет выхода и образует талант, создающий новую природу.

Может быть, затем и существует на земле человек, чтобы данную дикую природу, обречённую на звериную борьбу за существование, переделать на человеческую в единстве закона и милости.

И, может быть, тоска человека по какой-то чудесной природе и есть начало мук его возрождения им новой милостивой и прекрасной природы? И, может быть, эти муки возрождения и радость явления в мир небывалого мы называем искусством?» (6, т. 7, 213).

Человек призван спасти природу от раздора и вражды. Ему дана для этого спасительная сила духовной любви. Именно такая любовь помогает ему смягчать природные конфликты, одухотворять животные инстинкты. Призвание человека, по Пришвину, заключается в том, чтобы вернуть природе утраченную гармонию. «Природа для меня, огонь, вода, ветер, камни, растения, животные – всё это части разбитого единого существа. А человек в природе – это разум великого существа, накапливающий силу, чтобы собрать всю природу в единство» (6, т. 7, 284).

Если говорить о европейской традиции, которую подхватывает и углубляет здесь русская литература, то прежде всего и главным образом тут следует указать на ранних немецких романтиков – Йенских романтиков. Весь мир воспринимается ими как живое и одухотворённое существо. Они верят в жизненную достоверность создаваемых ими метафор. Эти метафоры не являются поэтической условностью. Они отображают реальную одушевлённость природы. У Людвиг Тика живут и дышат лес и кусты, полевые цветы и птицы, ключи и небесная лазурь. Всюду бьётся переливающаяся через край радостная жизнь. Зелёные листья тянутся у него к солнцу, «чтобы изныть от его поцелуев, чтобы погибнуть в любви и тоске». «Как хороша зелёная трава!» – говорят полевые цветы. «Как прекрасен мир!» – отвечают им птицы. Землю обнимает и одухотворяет небесная лазурь. Её божественные лучи пронизывают и оживляют всё. Небо спускается на землю и животворит её.

Точно так же и у нашего Тютчева. То, что было поэтической условностью, художественным олицетворением, – для него стало символом веры:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык... (9, 81)

Новалис мечтает об одухотворении всего земного, всей природы. В одном из стихотворений он уверяет, что Иисус Христос после воскресения вернулся к опустелому гробу и положил в него своё воскресшее тело, освятив тем самым всю землю, наделив её способностью к духовному преображению.

Поэт и философ Серебряного века Вяч. Иванов в статье «О Новалисе» писал: «С чувством удовлетворения можно сказать, что русская мысль в понимании и оценке Новалиса была, как и во всех вопросах высших духовных интересов за последнее время, – в авангарде движения. <...> Жирмунский в только что вышедшей прекрасной книге “Немецкий романтизм и современная мистика” <...> указывает на Жуковского, старшее поколение славянофилов, наконец, Тютчева, который “вырастает всецело на почве мироощущения и идей немецкого романтизма”. <...> “В творчестве Достоевского <...> открывается новая вера, земная и небесная одновременно, и эта вера – та самая, которую искали романтики, оказывается тождественной с глубочайшими основами исторического христианства”. *“Любите все создание Божье», – учит Достоевский, – «и целое и каждую песчинку; каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь, и тайну Божию постигнешь в вещах”*» (3).

У Фета тоже «цветы глядят с тоской влюбленной», «звезды молятся», «грезит пруд» и «дремлет тополь сонный». Всякие средостения между человеком и природой устранены, и в «Сентябрьской розе», например, цветок обретает онтологически присущую ему женскую ипостась: «За вздохом утренним мороза, / Румянец уст приотворя, / Как странно улыбнулась роза / В день бысролётный сентября!» В стихах Фета листья, ветви, птицы – органы живого, пробудившегося от зимней спячки леса. Сам же лес, полный весенней жажды, – дитя лучезарного солнца, пронизавшего мироздание своими животворными лучами.

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листьям затрепетало;
Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой... (10, 236).

Спустя столетие такое же духовное преображение природы продемонстрирует в своих стихах Борис Пастернак:

Душистою веткою машучи,
Впивая впотьмах это благо,
Бежала на чашечку с чашечки
Грозой одуренная влага.
На чашечку с чашечки скатываясь,
Скользнула по двум, – и в обеих
Огромною каплей агатовою
Повисла, сверкает, робеет.
Пусть ветер, по таволге веющий,
Ту капельку мучит и плющит.
Цела, не дробится, – их две ещё
Целующихся и пьющих.
Смеются и вырваться селятся
И выпрямиться, как прежде,
Да капле из рылец не вылиться,
И не разлучатся, хоть режьте (5, 128).

Литература

1. *Баратынский Е. А.* Полн. собр. стих. Б-ка поэта. Большая серия. Л., 1957.
2. *Берковский Н. Я.* О мировом значении русской литературы. Л., 1975.
3. *Иванов Вячеслав.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rvb.ru/ivanov/vol4/01text/02papers/4_162.htm.
4. Иностранная критика о Тургеневе. 2-е изд. СПб., 1908.
5. *Пастернак Борис.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М., 1989.
6. *Пришвин М. М.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1982–1986.
7. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1962–1965.
8. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Т. 4: Сочинения. М.; Л., 1963.
9. *Тютчев Ф. И.* Лирика. Т. 1. М., 1966.
10. *Фет А. А.* Стихотворения и поэмы. Б-ка поэта. Большая серия. Изд. 3-е. Л., 1986.
11. *Хомяков А. С.* О старом и новом. М., 1988.